

16+

Аэропорт

Московец Михаил

Михаил Евгеньевич Московец

Аэропорт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64729627

SelfPub; 2021

Аннотация

Все люди когда-то ждут рейс. И особенно приятно его ждать в хорошей компании.

Михаил Московец

Аэропорт

Аэропорт

– Спасибо большое!

– С этими чертовыми чемоданами всегда проблемы, советую сдавать их в багаж, даже самые мелкие, – тучный мужчина кивнул парню и направился к выходу из самолета. На его спине болтался коричневый кожаный рюкзак, помеченный английскими буквами известного дома моды.

Парень вдел руки в лямки своего трикотажного рюкзака, высунул ручку серенького чемоданчика и вклинился в вереницу жаждущих выйти наружу.

Перелет Москва-Рим не самый тяжелый, всего каких-то три с лишним часа, но непогода внесла свои коррективы: сразу после взлета небо заполнили тучи, высокие и объемные, иссиня-фиолетовые, словно даже чуждые этой мирной планете; все пассажиры прильнули к крохотным иллюминаторам, обреченно отдаваясь воле стихии. Самолет лихорадило весь полет, а пару раз тряхнуло так, что выпали кислородные маски и из верхних полок повывлетали наскоро впихнутые неопытными стюардессами пакеты и сумки. В эти моменты всеобщей панике не было предела, и все те же неопытные красавицы-стюардессы тщетно пытались успокоить истеричных дамочек, потерявших всякое самообладание; муж-

чины гордо и молчаливо сохраняли остатки своего непоколебимого достоинства, причитая пока только в уме. Само собой, о тележке с напитками и едой не могло быть и речи – все вмиг разлетелось бы по салону. Хотя одна приткая стюардесса даже предложила раздать пассажирам алкоголь, дабы те успокоились, однако ее анархическую идею быстро приструнили. И все просто стали ждать. Ведь как ни велик человек в своих технологиях, природу он все равно не осилит.

В конце концов зона турбулентности осталась позади, а пилот спасительно объявил о приближении к аэропорту Рима. Тут случилось невообразимое: соседи, зачастую незнакомцы, принялись обниматься и поздравлять друг друга, словно после грандиозной победы сборной на Олимпийских играх. Люди искренне ликовали, что выжили в этом страшном полете, и стремились поделиться чувствами с окружающими.

– Скажите, тревожно было? – неистово вопрошал кто-то.

– Да, конечно, как мы только выжили.

– На все воля Божья.

– Ох, будет что внукам рассказать!

– А я уже бывал в таких переделках, я привыкший, – храбрился кто-то. Очень вероятно, что он запаниковал самый первый.

– Я вообще боюсь полетов! После этого случая ноги моей больше не будет в воздухе. Только поезда!

– А вы знаете, что по статистике вероятность летального

исхода при перелете ниже, чем при путешествии на поезде? –
вклинивался какой-то любитель цифр.

– Зато в поездах спокойнее.

– Исключительно психологически.

– Мне этого достаточно.

– А помните девушку, которая выпала из самолета с высоты пятнадцати километров и выжила?

– С десяти.

– Что, простите?

– С десяти километров, а не с пятнадцати.

– Какая разница, все равно высоко!

– Да, но все же пять километров играют роль.

– Вечно вы, мужчины, цепляетесь к словам.

– А вы, женщины, вечно приукрашаете то, что совсем в этом не нуждается.

И настроения людей возвращались в будничное русло.

По приземлении все традиционно (для русского туриста) похлопали, но как-то жидко и вяло; видимо, позабыли уже, что совсем недавно буквально прощались с жизнью.

Выше упомянутый парень не слишком бурно реагировал на тряску самолета, не поддавался панике и вообще никак не выражал своих эмоций; вместо этого он обреченно глядел в иллюминатор, в заслонившую небо тьму – дикий крик природы: что он мог сделать против нее? Выразить малодушие в последние мгновения жизни – признак дурной смерти. Поэтому он просто-напросто вверил себя Судьбе и ожидал то,

что грядет. В этом чувствовалось что-то азартное, будто бросаешь вызов всемогущим богам и твердишь: «Ну же, удиви меня! Я внимаю».

Судьба пошла на попятную: тьма рассасывалась, а среди нагромождения беспросветных туч показался бесстрашный лучик солнца, за ним – второй и третий. Тогда тихая улыбка появилась на губах парня. Он оглядел салон: катастрофическая истерия постепенно сменялась восторженным экстазом...

– До свидания! До свидания! – прощались стюардессы у переднего выхода из самолета.

Пассажиров загрузили в автобусы и подвезли к зданию аэропорта, где каждый, позабыв о том, что мог погибнуть с окружающими в одном Боинге, принялся распихивать собратьев ради лучшего места в очереди на таможне. Поразительно, как изменчив человек – истинно душевный хамелеон!

Через полчаса от братства не осталось и следа – люди разбрелись со своими громоздкими чемоданами на все четыре стороны.

Но не для всех Рим был конечной точкой – для парня столица была лишь пересадкой до Милана. Посему он, не забывая остальной багаж, направился в зал ожидания: начало посадки было назначено через полтора часа.

Несмотря на подступающий вечер толпа в здании аэропорта собралась приличная и – что отнюдь не радовало –

шумная. (Во время одного из своих путешествий парень заметил, что шум родного голоса раздражает не так сильно, как инородный – итальянский, испанский, французский.) Лишь педантичные немцы зажались в углы и натянули темные очки на глаза. Горячие южные европейцы голосили на все помещение, точно находились в своем доме, а иные даже силились их перекричать. Все это походило на древнеримский форум (благо в Риме имеются его останки), где побеждал не тот, кто говорил умно, а тот, кто кричал громче всех.

Парень с радостью свернул к матовым стеклянным дверям. Он протянул работнику привилегированную карту и на ближайšie полтора часа, как думал, окунулся в сладостную тишину бизнес-зала.

Скинув свой рюкзачок и оставив серенький чемоданчик, он решил проведать шведский стол: на первом столике стояли две миски – с круассанами и хлебом, а около находились плосечки с джемами и вареньями; стол с закусками оказался самым обыкновенным – овощи, греческий салат и цезарь; основные блюда тоже были представлены скудно – жареная говядина, куриные наггетсы, пицца, паста с томатным соусом и овощи-гриль; но порадовали десерты – цилиндрический холодильник с шестью полочками неустанно крутился, показывая все новые изысканные лакомства. Алкоголя, естественно, было навалом – начиная от вина и заканчивая виски и джином.

Парень набрал в тарелку всего понемногу и налил целый

бокал сухого белого, так что официанты косо на него поглядели: мол, зачем наливать так много, если можно подойти бесконечное число раз? Не понять притким итальяшкам русскую лень.

Отличительной чертой этого бизнес-зала был стол – вытянутый и со сглаженными углами, напоминающий величественные столы в средневековых рыцарских замках. Эта громадина стояла почти во всю длину высоченных панорамных окон. Парень присел напротив них, чтобы лицезреть взлеты и приземления стальных гигантов на фоне чистого голубого неба.

Сзади послышался голос, чему он сначала не придал никакого значения, витая в своих мыслях и любуясь открывающимся видом. Но затем знакомые нотки все же просочились сквозь стену размышления, и уши признали голос. Парень обернулся и увидел того самого тучного господина, который помог ему вытащить непокорный чемодан. Тот шумно зашел в зал, похабно и громко ругая работников, очевидно, будучи уверенным, что здесь его никто не поймет. Завидев парня, он умолк и улыбнулся.

– Старый знакомый! Сейчас подойду.

Мужчина направился прямиком к столику с алкоголем и налил себе виски, мигом выпил и крякнул. Затем налил еще полстакана и расслабленно пошагал к длинному столу. Он бросил свой рюкзак на соседний с парнем стул.

– После такого полета тянет выпить, – мужчина глотнул

немного в подтверждение своих слов. – Мне бы твое спокойствие. Помнится, в детстве мне было безразлично, получу я или нет, всегда лез на рожон. Сейчас страшновато за жизнь при малейшей, даже самой сомнительной угрозе. Кто знает, быть может, с возрастом люди планомерно теряют рассудок и все более прислушиваются к излишне восприимчивому сердцу? – он многозначительно глядел в окно. – Меня зовут Борис.

– Очень приятно, Прохор.

Они снова пожали руки.

– Видимо, куда-то дальше летишь, Прохор, раз сидишь в зале ожидания?

– Да, в Милан.

– Ба, да я тоже! Видать на судьбе у нас написано быть попутчиками.

– Чудно, – парень нешироко улыбнулся.

– Ладно, пойду проведу, что они называют едой, – и, глотнув виски, мужчина не спеша направился к шведскому столику.

Прохор имел удивительную способность переключаться с рефлексии на открытое общение с людьми; ему было чуждо нежелание разговаривать и вступать в диалог, пусть даже самый пустой, поэтому каждый раз, когда появляющийся из ниоткуда собеседник прерывал ход его мыслей, парень с подлинной радостью улыбался ему и с интересом начинал диалог. Отчего сейчас, когда рядом очутился Борис, он был

рад предстоящему разговору, тем более с попутчиком.

Проход уже приступал к основному, когда его новоиспеченный друг присел рядом после рейда по шведскому столу. В руках его были две переполненные тарелки – он взял буквально все, даже свежие огурчики торчали из-под пасты, увенчанной жирным куском Маргариты. С довольным лицом Борис принялся запихивать в рот закуски вперемешку с основным и потянулся было запить, но рука его застыла рядом со стаканом виски.

– Негоже запивать еду виски, не находишь? За вином сходить, что ли, – промычал он и удалился.

Видимо, он наполнил доверху бокал белого, потому что донёс половину, притом непрерывно отпивал на обратном пути. Желудок его, очевидно, испытывал блаженство, поэтому Борис уплетал и уплетал весьма посредственную пищу.

– Каждый раз замечаю, что в аэропортах готовят средне. Наверно, поэтому еда и бесплатная.

– Да, еда средняя, но питаться можно. Поели бы вы в нашей университетской столовке.

– В свое время приходилось заваривать сухую лапшу, так что ты меня не удивишь своей столовкой.

– И лапша может быть вкусной, смотря как приготовить.

– И то верно. Но паста, даже по-аэропортовски, мне кажется вкуснее.

– Это да.

Оба молча пережевывали пищу – кто пихал за обе щеки,

а кто едва цеплял вилкой – и глядели на крылатые громадины, бескорыстно покорные маленькому человеку. Любопытно: будь у них воля, они воспротивились бы желаниям людей?

– Зачем вам в Милан? – спросил невзначай Прохор.

– А тебе интересно?

– Теперь точно интересно.

– Дело одно есть.

– Бизнес, что ли?

– Вроде как.

– Темните.

– Естественно, мы ведь почти не знакомы, – Борис отнекивался чисто формально.

– Так-то нам еще самолет делить предстоит.

– И то верно, – и спасительно засунул кусок пиццы в рот.

– Думаете, это вас спасет?

– Быть может, – пробубнил он и захохотал, чуть не подавившись. Потом прожевал, запив вином, и ответил: – Свидание у меня там.

– Поближе не нашлось дамы сердца? – осмелел Прохор.

– Ты – балда. Вот вырастишь и поймешь, что женщины не все одинаковые. Ради некоторых и не только в Милан слетать стоит.

– Может, и не пойму.

– Если глупый, и взрослым не поймешь.

– Ну ладно, простите. Что за женщина?

– А разве могу я передать цвет ее глаз, запах ее волос, вкус ее поцелуя?

– Сколько романтики-то.

– Я тебе скажу, что взрослые гораздо больше романтики, чем молодежь.

– Выглядит, как разговор дяди и мальчика, – Прохор усмехнулся. – Я и себя считаю взрослым, между прочим.

– Ты не романтичен?

– Не то чтобы слишком.

– Наверно, тут дело не в возрасте.

– Наверно.

– Но она мой ангел.

– Вот как?

– Ага, – и Борис томно вздохнул. – Итак, познакомились мы прошлым летом. Я остался в Италии один; друзья улетели в Москву, на работу, а я, покуда прилетел на неделю позже, решил остаться. И остался... Приезжаю в новый отель, начинаю говорить на рецепции по-английски, называю имя, а мне на чистом русском девушка отвечает:

– Так это вы номер бронировали вчера?

– Я отвечаю утвердительно и улыбаюсь, а она мне. Неве-
роятно милая...

Борис точно окунулся в свои воспоминания.

– Дальше-то что?

– ... милая, брюнетка, с тонкими и правильными чертами лица, какие только у русских девушек бывают – таких сразу

различишь в толпе. Высокая, стройная, эх... Уже поскорее бы к ней. Знаешь, что было самым прелестным?

– Что же?

– Она приезжала в отель на велосипеде. И уезжала на закате тоже на велосипеде. Меня это больше всего прельщало.

– Что тут такого?

– Романтика, юный мой друг, романтика...

– То есть, если я стану кататься на велосипеде, я буду привлекательнее для девушек?

– Глупости тебе не занимать.

– Да я шучу. Прекрасно я вас понимаю, – Прохор и правда понимал нового знакомого.

– В первый день я только стоял и смотрел, как она выводит велосипед из ограды, садится на него в своих черных широких штанишках и начинает крутить педали.

– Вы даже ее одежду помните?

– Естественно, помню каждую деталь.

– На следующий день я уже искал предлога поговорить с ней. Ближе к концу ее рабочего дня я подошел к рецепции с незначительным поводом – кажется, что-то касаясь утренней уборки – и закончил тем, что нагло попросил показать мне город. Она удивилась; к тому же наличие велосипеда усложняло проведение экскурсии. Тогда я предложил взять еще один велосипед и устроить двухколесный марафон. Она не без доли сомнения согласилась. Мы прокатились по центру Милана, остановились перекусить сорбетом – в тот день

даже вечером воздух отдавал жаровней – да и вообще пре-
мило болтали о том о сем. Потом проехали по бульвару,
мимо небольшого рынка, вдоль разноцветных домов, пока
не набрели на розоватый двухэтажный домик. Она объяви-
ла, что это ее, а я понимал, что напрашиваться в гости еще
рановато. Мы дружелюбно простились с осознанием скорой
встречи. На следующее утро, завидев ее белоснежную улыб-
ку на рецепции, сердце мое неистово заколотилось, и неимо-
верных усилий стоило мне сохранить самообладание. Я по-
интересовался, как она спала, и услышал в ответ до нелепо-
сти забавную шутку. Это был знак.

– Как вы все подробно помните.

– Судьбоносные моменты помнишь очень отчетливо.

– Он был для вас судьбоносным?

– Так и есть. Сегодня хочу сделать ей предложение.

– А как ее зовут?

– Джулия – Юлия.

– Как просто.

– Верно – просто и в то же время чудесно.

– Так, вы слышали ответ...

– Да, услышал и наполнился уверенностью: я оговорился,
что совсем не знаю мест, где можно вкусно поесть. (Спустя
неделю она мне сказала, что поняла мой коварный ход, но
все равно поддалась ему.) Так вот, она согласилась, и мы по-
шли – она в своих черных штанишках и голубой свободной
рубашке, а я в махровых белых шортах и любимом оранже-

вом поло – в ресторан, не самый презентабельный, но ты бы видел, сколько там было людей. Ресторанчик находился на пешей улице, среди десятка других, но именно здесь было столпотворение. Наконец мы сели, и Юля сразу заказала нам графин белого домашнего вина, уверяя, что вкус будет безупречным. Я долго тарасился в меню, не находя ничего подходящего, и она посоветовала мне ньюки – такие маленькие пельмешки...

– Знаю, вкусно.

– Верно. Посоветовала их, а сама взяла пиццу с пармезаном, бурратой и прошутто. Я тебе скажу, что еда была великолепной, несмотря на то что ресторанчик был семейный (о чем я впоследствии узнал). Единственное, что вылетело из памяти в тот день, – это десерты, но уверен, что они тоже были вкусные. Мы покушали и выпили – очевидно, домой никому не хотелось, и мы решили прогуляться. Она взяла меня под руку – то ли от выпитого вина, то ли от слишком романтического настроения Милана – не знаю, но факт есть факт. Так мы и брели, преимущественно молча, потому как слова уже были излишни: мы пустились по течению эмоций. Справа и слева мигали яркие вывески магазинов, голосили итальянцы, хохотали охмелевшие туристы. Незаметно мы свернули в тихую аллею. Уже было темно, поэтому Юля крепче вцепилась в мою руку. Показался розовый дом, и она робко проговорила, что ей пора домой. Я поблагодарил за чудесный вечер... и поцеловал.

– Как это? И все?

– Вот так просто – потянулся и поцеловал.

– Эм... в книгах такие моменты расписываются на страницы. У вас как-то скучно вышло.

– Если в жизни ты будешь тянуть страницы – вовсе упустишь.

– В этом я согласен. Но я к тому, что вы так подробно все описывали, а самый важный момент изъяснили в двух словах.

– А зачем нужно больше? Я ведь изначально сказал, что никакими словами не способен передать вкус ее губ, так зачем же мне описывать поцелуй? Все действия перед ним ты можешь вообразить, но ощущения во время поцелуя – нет.

– Вы правы.

– Также ты можешь вообразить, как после этого мы гуляли каждый вечер, пока через пару дней она не спросила, хочешь ли я зайти.

– Сама?

– Да, я был уверен, что она спросит, поэтому не торопил события.

– И потом вы переспали.

– Это слишком грубое слово, чтобы описывать чувства.

– Занялись сексом?

– Тоже грубовато.

– Я понимаю, но слова всегда звучат вульгарнее.

– Это да. Главное – что ты меня понял, – и он залпом вы-

пил застоявшийся виски. – А вскоре моя неделя кончилась, и я улетел в Москву.

– Снова резкий переход.

– Представь, что оставшиеся дни мы проводили так же, как и предыдущие.

– Насыщенно.

– Я обещал прилетать – и каждые два месяца летал к ней на неделю. Такая поездка была своего рода подзарядкой для меня – я набирался сил и мог работать сутками. В августе я взял месячный отпуск, прилетел в Милан и увез ее в Римини – это на западе страны, недалеко от Флоренции.

– Знаю, бывал в детстве.

– Там я понял, что так дальше продолжаться не может: короткие поездки маловаты для сильных чувств. Мы славно проводили время, но и я, и она ощущали что-то большее. За одним из ужинов она сказала, что нельзя строить близкие отношения на расстоянии, и я согласился. Я пообещал, что вернусь и улажу все свои дела, дабы они минимально нуждались в моем участии, а после – прилечу к ней навсегда; к тому же жизнь мегаполиса меня сильно утомила. Однако улаживание затянулось до октября – и только сейчас я возвращаюсь к любимой. Сегодня утром я набрал ей и сообщил, что жду в восемь часов в нашем ресторане – там все и разрешится.

– Безумно рад за вас.

– Благодарю.

– Значит, станете иммигрантом?

– Вероятно.

– Будет очень приятно встретиться с вами двумя в самом Милане.

– Пожалуйста, как только разрешатся наши дела. Думаю, и Юля будет рада повстречать еще одного представителя русского народа.

Сзади слышались споры; один голос то возвышался до фальцета, то принижался до басового шепота.

Двое сидящих озадаченно обернулись: стеклянные двери еще не распахнулись, и сквозь матовое стекло были видны только многочисленные взмахи руками. Затем двери раскрылись – и вошла дама, лет под пятьдесят, спорящая с работниками зала на русско-английском, а те ей отвечали на итальянском английском. Очевидно, они друг друга мало понимали и от этого раззадоривались все сильнее.

– Интересно, когда они поймут, что их спор несет в себе не больше смысла, чем этот огурец? – усмехнулся Борис.

– Такие споры могут длиться вечно.

Дама истинно по-женски подняла руку, предотвращая дальнейшие препирательства с итальянской стороны, и толпа преследующих ее молодых работников замерла от неожиданности. Только женщины умеют правильно делать этот жест: мужчинам он неподвластен.

Дама попутно огляделась по сторонам, увидела повернувшихся мужчин и горделивой походкой направилась к ним.

Вблизи ее лицо показалось знакомым.

– Добрый день! – поприветствовали гостью сидящие.

– Ох уж эти итальянцы, омерзительный народ, макаронники, – только и выругалась она, подойдя.

– Вы поаккуратнее: говорят, они немного понимают по-русски, – с серьезным лицом заметил Борис.

– Правда? – дама оглянулась на работников, но те уже разбрелись подчищать шведский стол. – Ах, сарказм, не поняла сразу.

– А что за спор у вас возник?

– Не хотели меня пускать, представляете?

– Почему же?

– Какая-то особая карта им нужна, одних билетов бизнес-класса мало. Я велела позвать начальника аэропорта – я его лично знаю – но они перепугались и сказали, что его нет в здании. Тогда я и прошла сама.

– Ловко вы с ними, конечно.

– Поразительно: сколько летаю, ни разу никакой карты не просили. Совсем свиньями стали! – она кинула свою сумочку через несколько стульев от сидящих и оставила чемоданчик. – Пожалуй, надо выпить. Где у этих недотеп спиртное?

– У входа, – сказали мужчины в голос.

– Ну и бойкая дамочка. Только русские женщины могут быть такими мужественными – возможно, в этом и заключается их притягательность.

– А мне ее лицо показалось знакомым, – вслух заметил

Прохор.

– Да?

– Но не помню, где я ее видел.

– Может, ты ошибся.

– Может.

Дама, как и двое гостей до этого, вернулась с бокалом белого.

– Вино в Италии, в отличие от местных жителей, всегда было превосходным!

– Не судите так высоко о вине: в нем может попасться кислинка.

Но дама только повела бровью и пригубила напиток.

– Вполне сойдет. Кстати, Прохор, у нас с тобой одинаковые чемоданы. Случается же такое.

Парень оглядел оба чемодана.

– Действительно, одинаковые, – он улыбнулся. – Хотя серый – традиционный цвет чемоданов.

– У меня темно-синий, – вставил Борис, – но он летает в багажном отделении.

– Не люблю громоздкие чемоданы, их тяжело тащить.

Прохор кивнул головой.

– А вы случайно не в Милан летите? – спросил Борис.

– В Милан.

– Тогда мы с вами попутчики.

– Вы тоже?

– Да, оба. А летели не из Москвы?

– Нет, из Парижа.

– Недолгий перелет, должно быть?

– Вполне хватило.

– А нас вот трясло весь полет без остановки.

– Поэтому не люблю самолеты.

– Почему же летели? Вроде бы из Парижа ездят поезда.

– Не знаю, так вышло.

– Мы, кажется, не познакомились. Я – Борис, он – Прохор.

Как вас зовут?

– Давно не задавали мне этого вопроса.

– Отчего же?

– Мое лицо вам не знакомо?

– Мне знакомо, только не могу вспомнить откуда, – встал парень.

– Дарья А.

– Точно! Вы же актриса.

– Актриса? Никогда не видел вас в телевизоре, – удивился

Борис, – хотя я и фильмов смотрю немного.

– Последние годы снимаюсь за рубежом.

– А в моем детстве вы часто снимались в детских сериалах в России.

– Вот как. Очень приятно познакомиться!

– Взаимно, – дама снисходительно протянула руку, которой слегка коснулась старческая дряблость. Мужчины нежно пожали ее.

Трое пассажиров почти синхронно отпили вино. Борис вспомнил о двух переполненных тарелках и продолжил уплетать пищу; Прохор уныло водил вилкой в тарелке без видимого аппетита; Дарья наблюдала за посадкой громадного Боинга.

– Что же, – начал Борис с набитым ртом, – в каком фильме снимались в последний раз?

Дарья молчала и не поворачивала головы. Наверно, взвешивала, стоит ли рассказывать.

– Знаете... сейчас пошла мода на артхаус – режиссеры стараются придумать как можно более изощренный сюжет, а сценаристы по-рабски вторят им, иначе не заплатят, – в итоге зритель ничего не понимает и выходит из зала в восторженном недоумении. Последний мой фильм – что-то вроде мистического детектива: коварный убийца, знаки и символы, падшие женщины в роли жертв.

– А ваша роль?

– Эпизодическая – соседка, которая помогает детективу понять смысл одного из символов.

– По-моему, звучит интригующе.

– Мог бы получиться хороший фильм, но режиссер – полнейшая бездарность. Только и делал, что спорил со сценаристом, который его якобы не понимал. Я бы лучше сняла, будь это даже мой режиссерский дебют. В итоге мне заплатили – и я забыла об этой работе.

– Вы чересчур безжалостны к потраченному времени.

– А вы слишком хорошего мнения о режиссерах, – надменно, будто только она ведаёт истину, заключила актриса.

– Быть может.

– Почти все режиссеры домогаются красивых актрис.

– Это делает вам комплимент, – не подумав, заметил Борис, но поймал укорительный взгляд женщины. – Прошу прощения, вырвалось.

– У вас совсем искаженное понимание природы комплиментов, – заключила Дарья и снова повернулась было к приземляющемуся Боингу, но никак не могла его обнаружить: самолет давно сел. Чтобы нивелировать свою неловкость, она обратилась к Прохору: – Так в каких фильмах ты меня видел?

– Я про сериалы говорил.

– Да, точно.

– В «См*» и «Гра*».

– Ох, помню, – она поднесла влажный бокал к губам, аристократически отставив мизинец. – Моя юность, – и тут же поправилась, – хоть я и сейчас не особо стара. Не смейте шутить! – она пригрозила Борису.

– И не думал, вы что? Вы меня больно укололи тем, что я не понимаю природу комплиментов.

– Так и есть, – гордо заявила дама и снова пригубила вино. Очевидно, оно ей все же понравилось.

– Мне ваши сериалы нравились, – вклинивался в беседу Прохор, – они были легкие и забавные.

– Благодарю. Знал бы ты, как тяжело дается эта легкость: все эти бесконечные дубли бесконечными съемочными днями... Сейчас бы ни за что не согласилась сниматься в сериалах, тем более таких продолжительных.

– Вам уже и не положено, – вставил Борис, уже шутливо и вполне осознавая значение сказанного.

– В каком это смысле? – женскому возмущению не было предела.

– В том, что в таких сериалах несолидно сниматься опытной и состоявшейся актрисе, они созданы лишь для молодых и бесталанных.

– Даже не знаю, как мне реагировать на ваши слова.

– Можете счесть за комплимент.

– Но в таком случае молодую меня вы назвали бесталанной.

– Во всяком правиле есть исключения.

– Как вы мастерски выкрутились, Борис!

– Наверно, это единственное, что испокон веку умеют делать мужчины.

– Я с вами соглашусь.

Проخور все недоумевал, почему всякий разговор заканчивается диалогом Бориса и Дарьи, которые, кажется, изначально были настроены только подкалывать друг друга. Он молча продолжил опустошать тарелку; Борис краем глаза глянул на него и вспомнил про свои закуски. Двухэтажный Боинг, напоминающий более космический корабль для пу-

тешествий в соседние галактики, чем средство для трехчасовых перелетов по стране, покатился перед ними на взлетную полосу, загораживая свет заходящего солнца, выровнялся, загудел двигателями так, что стекла едва не повывлетали из стальных рам, и тронулся. Его стремительный разгон и отрыв от земли – это поистине великолепное зрелище, да еще столь близко!

– Не знал, что взлет настолько завораживает! – изумился Борис, и двое очевидцев согласились с ним.

– Пожалуй, надо перекусить, – объявила Дарья и поднялась.

– Кухня средняя, – предупредил Прохор.

– В таком случае вино украсит пищу. Что-то жарковато становится, – бросила дама и направилась к столикам.

Мужчины промолчали, но после произнесенного замечания вмиг почувствовали себя менее комфортно. Им и вправду стало жарковато.

Прошло не более пары минут, и стеклянные двери бесшумно отворились, представив залу нового гостя – невысокого мужчину в сером костюмчике с синим монотонным галстуком. Трое пассажиров уставились на вновь прибывшего, а тот растерянно глядел на них, не шевелясь. Но не более минуты он завлекал их внимание: сидящие за столом мужчины вернулись к своей еде, а дама продолжила накладывать легкие закуски. Зашедший робко прошагал до стола, совсем

не поднимая головы, положил кожаный протертый по краям портфель на самый крайний стул у стены и присел на соседний, сложив руки прямо перед собой, точно вверяя все свое тело Провидению.

Проход глянул на его склоненный анфас, открывающий зияющую лысину на макушке, которую старательно, но тщетно прикрывали зализанные с боков русые волосы. Мужчина отчего-то закрыл глаза, вселяя любопытство своей персоной.

– Какой он странный, – промямлил парень соседу.

– У каждого из нас свои причуды. Кто-то флегматик, а кто-то актриса.

Как раз на этой фразе с наполненной овощами тарелкой подошла Дарья и бойко вставила:

– А кто-то неискусный клоун.

– Не без этого, – усмехнулся Борис. – Вы, верно, до Милана? – крикнул он громко и по-русски, будучи уверенным в национальной принадлежности гостя, однако не получил ответа. – Мужчина?

– Простите, вы мне?

– Конечно, вам, зачем же мне так кричать моим соседям?

– Простите.

– Не стоит. Так вы до Милана?

– До Милана.

– Тогда мы все попутчики, присаживайтесь поближе.

– Спасибо, мне и тут комфортно.

– Бросьте, нам ведь еще долго наблюдать лица друг друга. Так почему бы не разглядеть их поближе?

Тот заерзал на месте и в конце концов поднялся. Мужчина медленно проходил каждый стул и, когда дошел до соседнего с актрисой, ускорил шаг и сел с другой стороны от Прохора. Это было сделано настолько неуклюже и неумело, что поразило всех.

– Вам противно сидеть рядом со мной? – возмутилась Дарья.

– Простите...

– Что?

– Простите...

– Это все, что вы мне скажете? – ее тон повышался.

– Простите, я не хотел обидеть... – он присел и сложил руки перед собой.

– Оставьте его, – шепотом сказал Борис, – может, у него проблемы.

– Как вас зовут? – поинтересовался Прохор.

– Что, простите?

– Как вас зовут?

– Матвей, – ответил мужчина, не поворачиваясь.

– Прохор, Борис, Дарья.

С этой стороны лысина была точно такой же. Лоб был немного влажный то ли от напряжения, то ли от жары.

– Кушать не будете?

– Не сейчас.

– А выпить?

– Не употребляю.

«Видно, больше слов из него не вытащить», – подумали все трое и оставили молчуна в покое.

Борис взял салфетку и протер лоб.

– Вы правы, действительно жарковато.

Дарья расстегнула пуговицы жакета.

– Кондиционер сломался у них, что ли?

Стеклянные двери распахнулись, запуская новых гостей – молодую пару, увлеченно спорящую о чем-то.

– Как часто теперь появляются незнакомые лица, – про-
бормотал Борис, прожевывая листья салата.

Было слышно, что молодой человек успокаивал свою спутницу.

– Милая, все будет хорошо, не переживай...

– Да как не переживать? Как же? Он чуть было не притро-
нулся ко мне! Это все из-за тебя! Вечно тебя рядом нет!

– Я виноват? Теперь и в туалет нельзя сходить?

– Надо выбирать время! – она сбросила вещи на мягкие кресла у стены, все еще не обращая внимание на глазающих зрителей.

– Может, ты вообще все это придумала, чтобы лишний раз меня упрекнуть в чем-то, а? – он поставил серенький чемоданчик рядом. – Тебе ведь только повод дай, чтобы поорать.

– Да как ты смеешь? Как ты смеешь так говорить! – она бессильно упала в кресло и зарыдала.

– Прости, милая, прости, – он принялся целовать ее руки, – вырвалось случайно. Нельзя было так говорить. Я верю тебе, верю!

Она бросилась к нему в объятия.

– И ты меня прости! Я такая истеричка...

– Милая ты моя!

Они поцеловались.

– Фу, что за цирк! – невольно воскликнула Дарья.

– Влюбленные людей не наблюдают, – сострил Борис.

– Ваши никудышные шутки уже выводят меня из себя.

– А Прохору нравятся, верно?

Мужчина повернулся к парню и только сейчас заметил, что молчаливый мужчина мертвенно побледнел и съежился.

– Что с вами?

Теперь обернулись Прохор и Дарья.

– Боже, как он бледен...

– Что же с вами?

Но Матвей упорно молчал.

– Да что же такое: одни безудержно болтают на весь зал, другие усердно молчат, третьи неумело острят. Только мы с вами, Прохор, адекватный люди.

– Не спешили бы с утверждениями, дамочка, – обидчиво проговорил Борис.

– Не спешили бы вы с вульгарностью.

– Дарья, не стоит ссориться. Борис ведь просто старается создать дружественную обстановку.

Она промолчала, осознав потерю союзника.

– Это он! Он! – завопил женский голос уже от панорамного окна.

Девушка быстрыми шагами дошла до Матвея и повторила:

– Это он! – а тот вжался в стул с такой силой, будто стремился стать частью неживой мебели.

– Он? – молодой человек подбежал к девушке.

– Точно он!

– Ах ты сукин сын!

И молодой герой вмиг оказался около бледного мужчины, замахнулся и ударил его по щеке кулаком, но вышло как-то вяло и хлюпко, отчего тот замахнулся еще раз, но сзади драчуна крепко схватили.

– Отпустите! Быстро отпустите!

Он ожесточенно вырывался, но мощные руки Бориса держали его. Подбежали даже растерянные итальянцы.

– Отпустите! Этот мужчина – подлец! – вопила девушка.

– Мне эта сцена надоела! – неожиданно громогласно проревел Борис, так что все замерли. – Утомонитесь живо! – и он отпихнул драчуна в сторону, загородив Матвея. – Поесть нормально не дают.

– Но он подлец!

– Пока что я не заметил в нем ничего подлого, он лишь молчит.

– Но вы ничего не видели!

– И слава богу!

– Вы не смеете вмешиваться в наши отношения... – съязвил молодой человек.

– Смею, пока присутствую в этом зале. Как видите, тут есть дама, – и он повернулся, чтобы присесть обратно, но замер: Матвея не было на месте, он исчез.

Молодая пара тоже изумилась этому.

– Это все вы! Зачем вы помешали мне?!

– Ой, разбирайтесь сами, – и он устало присел на свой стул. Лоб покрылся многочисленными каплями пота, и Борис протер его салфеткой.

Молодой человек, видно, почувствовал свое превосходство и решил давить.

– Он домогался мой девушки!

– Что? Этот молчун?

– Да, домогался буквально только что!

– Не может быть, он и отвечает-то неохотно, – добавил Прохор.

– Моя девушка так говорит.

– Да, он нагло домогался! – подтвердила она и начала было рыдать.

– Милая, успокойся, моя милая...

– Да расскажите уже, что у вас случилось, а то тяните резину! – бестактно поторопила актриса.

– Дарья! У них горе! – осудил пылкость Прохор.

– Да неизвестно еще, горе или нет. Ай, да ладно вам, чув-

ствительные какие стали, – и она отвернулась к окну.

Девушка понемногу успокоилась и присела на стул левее Прохора.

– Мы вышли из самолета, и Семен захотел в туалет. Он пошел, а я присела на лавочку в общем зале, и тут ко мне подсел этот маньяк... – голос ее повысился, но слезы, на удивление, не текли. – Сидел и тарасился прямо на меня, в упор! А потом положил руку мне на плечо. Тут я дала ему пощечину и резко побежала к туалетам, где столкнулась с Семеном. Я хотела указать на маньяка, а он уже скрылся, – она старательно всхлипывала носом.

– Позвольте спросить, – поинтересовался Борис, – а с чего вы взяли, что он маньяк?

– Он подсел, пялился на меня, а потом положил руку на плечо...

– Вероятно, вы знакомы или же он вас с кем-то спутал.

– По-вашему, я не отличу дружеский взгляд от взгляда маньяка?

– Да что вы заладили: маньяк да маньяк.

– А как еще его назвать? Самый настоящий маньяк!

Дарья молча кушала свои овощи, Прохор следил за говорящими, а Борис не имел желания продолжать бесполезную дискуссию.

– Что ж, разбирайтесь сами. Выпить вон себе налейте, только не шумите сильно, – попросил он и в который раз продолжил есть.

Пара в смятении двинулась к своим креслам; молодой человек почти сразу отправился за алкоголем.

– Истеричка какая-то, с нервами явно не в порядке. Вот будет забавно, если он и вправду окажется просто знакомым, – поерничала Дарья и сделала глоток прохладного вина.

– Уж Матвею-то точно не будет забавно, – побеспокоился Прохор.

– Хоть бы они не в Милан летели, не стерплю обоих даже в другом конце самолета, – пробурчал с набитым ртом Борис.

– Кто знает.

Распахнулись двери, как будто сами по себе, потому что никто не вышел из них; две матовые стекляшки застыли в раскрытом положении, чем вызвали озадаченность гостей зала. Прохор поднялся и поравнялся с дверьми: в проходе в нерешительности стоял Матвей, полностью бледный. Он растерянно поглядел на Прохора.

– Вы будете проходить? – спросил тот.

– Хорошо, – глупо ответил мужчина и продолжил стоять.

Прохор сделал пару шагов вперед.

– Расскажите мне, что случилось между вами и девушкой?

– Ничего.

– Как это? – парень подошел вплотную. – Она сказала, что вы ее домогались.

– Домогался? Я?

– Так и сказала.

– Я порядочный человек! – голос его повысился, а глаза загорелись искорками уязвленного достоинства. – Порядочный! Ха-ха! – он оттолкнул Прохора и быстрым шагом дошел до девушки. – Я домогался?! Ха-ха! Как вы смели так подумать? Какая важная персона, ха-ха! – Матвей возвышался весь раскрасневшийся над побелевшей псевдожертвой. Нервный смешок проскакивал в его словах. Казалось, он сейчас огреет девушку по голове. – Всякий честный человек подойди к вашей персоне – и он уже маньяк? – голос срезался на последнем слове. – Получается, я уже много раз маньяк, потому что много раз много к кому подходил? Ха-ха!

Он окидывал каждого пассажира таким жутким взором, что тут же становилось не по себе. Истерический смешок застыл на его полураскрытых губах. Никто не знал, как реагировать. Спустя миг Матвей вернулся из астрального полета и быстрым шагом дошел до своего стула, бухнулся в него и скрестил руки на груди.

– Какой же цирк тут, прямо дю Солей какой-то, – прошептала Дарья.

– Нет бы просто сидеть и есть, – пробубнил Борис. – Хорошо, что скоро посадка.

Молодой спутник девушки не вмешивался в монолог Матвея, так как сам скептически относился ко всей ситуации, хоть и не подавал виду. Сейчас он подошел и протянул девушке бокал белого вина, призванного придать краски ее

тускло-серому лицу.

Отчего-то повелось, что за всей опрометчивостью девушки редко прислушиваются к голосу рассудка, страдая затем от последствий своей горячности. В это мгновение нахмурившаяся девушка осознала, хотя еще весьма эфемерно, что неверно поняла знаки подсевшего мужчины, и прохладное кисловатое вино могло помочь встряхнуть мысли. Она бессознательно поднесла бокал к губам и парой больших глотков опустошила более половины: спиртное сразу отдало в голову.

– Смотрите, на табло время вылета исчезло, – негромко объявил Прохор.

– Что?

– Время вылета в Милан исчезло.

Тут же в стеклянных дверях появился работник аэропорта. Он объявил по-английски:

– Кто здесь до Милана?

– Мы вчетвером, – ответил Прохор.

– Мы тоже, – донеслось с кресел.

– Черт! – тихо выругался Борис.

– Рейс до Милана задерживается на два часа.

– Как?! – возмущению пассажиров не было предела.

– Приносим свои извинения.

– Ну естественно, по-другому ведь и быть не могло в такой-то день! – негодовал Борис.

– Еще сидеть в такой жаре?! – возмутилась актриса. –

Включите кондиционер!

– Действительно, очень душно, – поддакнули остальные.

– Делаем все возможное, – кивнул работник и retirовался.

– Ни черта вы тут не делаете! – рявкнул вдогонку Борис.

– Мне кажется, вы чересчур нагнетаете, – успокаивала его Дарья.

– Обычно это женская забота, – огрызнулся он в ответ.

– Как видите – нет.

– Черт! – еще выругался Борис и обреченно провел вилкой по наполовину опустевшей тарелке. – И еда уже остыла. Вот какого... – он уставился на Прохора, но тот был обескуражен такой реакцией и молчал. – Надо покурить.

Борис резко подскочил, достал пачку сигарет, сходу засунув одну в рот, и удалился в курилку.

Эта курилка вполне могла бы стать произведением искусства: ограниченная четырьмя прозрачными стенами, она располагалась прямо посреди зала без какого-либо потолка, полностью открытая куполу неба, – эдакий умиротворенный куб в каменной громаде суеты. Быть может, входя в курилку, человек даже ощущал себя отрешенным от беготни и жизни, слыша слабые отзвуки природы. Кто знает, люди с сигаретами всегда кажутся более загадочными...

Дарья тоже поднялась, сняла жакет и взяла бокал.

– Пускает дым как паровоз.

Прохор обернулся: Борис облокотился на стеклянную

стенку спиной и глядел вверх, раскрыв рот, из которого не торопясь выползали серые клубы, на секунду обволакивая все лицо курившего.

Дарья глотнула вина и направилась туда же, пару раз немного пошатнувшись. Сквозь еще не захлопнувшуюся дверь послышался женский голос, просящий сигарету; мужская рука подала пачку. Они закурили вдвоем, понемногу постигая дебри неведомого священного таинства.

– Вообще я не курю в жару, – начала Дарья, выкурив половину сигареты.

– Я тоже.

– Странно, что в такой час еще жарко, правда?

– Ага.

Она сделала пару затяжек.

– Что вас так расстроило?

– Потерянное время.

– С возрастом начинаешь ценить каждое мгновение.

– Не в этом смысле.

– А что же?

– У меня назначена встреча, на которую я не приду.

– Встреча?

– Свидание.

– Не подумала бы никогда в жизни, что вы еще ходите на свидания.

Борис усмехнулся на выдохе и поперхнулся дымом.

– Столько лет курю, а все попадаюсь в эту ловушку, – про-

говорил он, придя в себя. – На этом свидании я хотел сделать предложение.

– Должно быть, она будет не очень рада услышать, что вы не придете.

– Не то слово.

– Позвоните ей.

– У меня нет итальянской сим-карты.

– Так можно звонить с любой, просто дороже выйдет.

– Что-то я не подумал.

Борис достал телефон из кармана.

– Нет сети.

– Попробуйте мой.

– Тоже нет сети.

– Странно. Это же Рим.

– Да уж, – Борис удрученно опустил бесполезные телефоны. – Осталось чуть больше двух часов.

– Что-нибудь придумаем.

– Поэтому-то я и вышел покурить: на свежем воздухе чаще приходят мудрые мысли.

– Однажды и у меня была назначена такая встреча. Но тогда не пришла я – испугалась. После того дня я его ни разу не видела.

– А я люблю эту девушку больше жизни.

– Все образуется, – Дарья выпустила кривое колечко, и уголки ее губ подтянулись в улыбке.

Сигареты потухли, но курильщики не стремились возвра-

щаться, наблюдая за опускающимися сумерками, разреженными оранжевыми и алыми оттенками у горизонта.

Внутри зала воцарилось молчание.

Матвей сидел неподвижно, все так же скрестив руки на груди и уставившись в стол. Его лицу вернулся красноватый оттенок. Губы его шевелились, будто рассказывали какую-то историю невидимому слушателю.

Прохор маленькими глоточками опустошил бокал и отправился за новым. Вино лежало в миске со льдом – что было щедрым подарком в такой жаркий день. Он вернулся, попивая на ходу.

За окном шумно проехал трап на колесах.

Парочка не подавала звуков. Странные они – эти влюбленные парочки. Вот есть же нормальные парень и девушка, без визгов и истерик, недовольств и тараканов. У них в головах только одно – здравая и осмысленная любовь. А есть ненормальные – с надуманными проблемами, где друг друга больше терзают, чем любят. Казалось, что присутствующая здесь пара была из второй категории, и парень уже вдоволь пресытился отношениями. Но так только казалось.

Внезапно рядом с Прохором отодвинулся стул – и на место Бориса присела девушка.

– Кажется, мы не познакомились, – как-то наигранно робко начала она.

– Верно. Прохор.

– Диана.

Она умолкла, точно собираясь с мыслями. Прохор не сводил с нее глаз, все более ощущая наигранность. Он не мог понять, кажется ли ему или она и вправду притворяется.

– Наверно, вы все подумали, что я бестолковая истеричка? – Диана натянуто улыбнулась. – Как глупо я поступила... – она бросила кроткий взгляд на Матвея.

– Признаться честно, промелькнула такая мысль.

– Тяжелый день, – девушка немного помялась на стуле и обратилась к Матвею: – Простите меня, я неправильно себя повела, – но тот молчал, насупившись. – Я прекрасно понимаю ваше настроение и очень сожалею, что испортила ваш день. Мне несвойственно такое поведение, простите.

Она виновато поднялась со стула, но Матвей остановил ее:

– Вы напомнили мне старую знакомую... – Диана обернулась, мгновенно засияв от удовольствия. – Настолько явно, что я потерял дар речи.

– Я рада, что поначалу вызвала у вас положительные эмоции, – на ее губах показалась добродушная улыбка, отдающая чем-то саркастическим.

– Спасибо.

– За что?

– Не все признают собственные ошибки.

Девушка повернулась к своим креслам. Ее спутник изобразил что-то на лице и прошептал губами. Девушка развернулась снова.

– Мы подсядем к вам?

Не оставалось ничего иного, как согласиться.

Парочка собрала все вещи с кресел и с радостными улыбками на лицах присела напротив Прохора и Матвея.

– А у нас, между прочим, одинаковые чемоданы, – весело заметила Диана.

– Да, верно.

Курильщики зажгли по второй сигарете, не желая покидать лоно спокойствия.

– Почему вы сбежали со свидания?

Дарья помолчала.

– Помню, как шла в ресторан, вечером. Повсюду зажглись фонари, толпы людей слонялись по тротуарам. Впереди меня все обходили кого-то. Я приблизилась и заметила пожилую пару, идущую рука об руку, медленно и неторопливо. Глупо, конечно, но это заставило меня замереть на месте – мне просто расхотелось идти... Помню, даже комок к горлу подошел – так трогательны были старики. Наверно, сейчас я кажусь очень сентиментальной, – она улыбнулась. – Эта пара сильно выделялась на фоне проходящих мимо одиночек, и я поняла, что именно так и хочу встретить старость, именно с *моим* человеком. А ожидающий меня таковым не казался, и я просто прошла мимо окон ресторана.

– То есть это было волевое решение?

– Можно сказать и так.

– Нашли же вы *своего*?

Дарья усмехнулась и замолчала на пару секунд.

– Нет, – она резко выпустила дым из легких. – Но надеюсь, что ожидающая вас избранница *ваша*.

– Именно.

– Тогда все будет прекрасно.

По небу поползли облака и ненадолго заволокли палящее солнце. Легкий ветерок заскочил в куб. Стало чуть менее жарко.

– Будете скучать по России? – спросила Дарья.

Борис выпучил губы в раздумьях.

– Не знаю даже. Там у меня друзья. Но не помню, когда в последний раз мне не становилось скучно от той рутины. Тут как-то поживее, больше движения, что ли. И еще любовь. Да и климат шикарный. Так что, наверно, буду скучать только по людям. А вы скучаете?

– Не-а, я точно не скучаю.

– Как категорично.

– Я такой же космополит, как и вы. Даже больше – я ведь актриса. Дом для меня – это моя команда.

– Не надоели вы друг другу?

– Мы как семья.

Они закурили еще по одной сигарете. Молча. Табак медленно тлел между пальцами, пока не остались одни окурки.

– Что ж, пойдемте, – Борис открыл дверь, пропуская даму.

– Кажется, внутри стало еще жарче.

Сигарета вкупе с вином и духотой опьянила еще более. Дарья сделала вид, что чешет голову, стараясь скрыть это.

– Да, стало. Принести вина?

– Лучше воды.

– Если найду.

Борис ушел к столику с алкоголем. Налил себе вина и промочил горло после сигарет. Воды не оказалось ни поблизости, ни за баром, что было странно. На столике лежала потрепанная тоненькая брошюра. На обложке не было надписи. Борис захватил ее и вернулся к столу.

– Воды нет, только алкоголь. Не думал, что эти итальянцы такие пьяницы.

– Как так?

– Глотните немного вина.

Дарья глотнула от безысходности. Борис сел рядом и раскрыл книгу. На первой странице черными буквами было выведено название.

– Что это?

– Нашел за баром, – Борис открыл первую страницу. – Написано: «Аэропорт», – затем открыл вторую и увидел текст: – Наверно, рассказ какой-то.

– Не слышала о таком.

– Я тоже.

Борис от безделья принялся читать.

Распахнулись входные двери аэропорта – вошел пухловатый молодой человек. Глазами он пытался найти информационное табло.

– Вот вечно спрячут его в самый дальний угол.

Повернул влево и направился против потока людей, волоча за собой серенький чемоданчик. Люди широко обступали его, окидывая недовольными взглядами. Впереди показалось громадное черное табло – место всех встреч. Он протиснулся между людьми, попутно извиняясь. Встал почти вплотную, загородив всем обзор. Глаза плохо видели, что поделать.

– Так, Лиссабон, 33-36.

Довольной походкой он двинулся по указанному направлению.

– 51, 45, 39, – перечислял он крайние стойки.

Перед тридцать девятой свернул вбок. Около четырех лиссабонских стоек пассажиров не было. Лишь четыре загорелые работницы аэропорта сидели за ними. Девушки синхронно подняли головы и улыбнулись, словно завлекая подошедшего. Он стоял в замешательстве, не привыкший к столь многочисленному женскому вниманию. Покраснел немного и огляделся. Сзади короткими шажками подкрался то ли индеец, то ли араб, обосновался у тридцать четвертой стойки и начал тарыхтеть на своем языке. Девушка незамедлительно надела маску вежливого сотрудника и монотонно упрашивала волнующегося пассажира говорить на итальянском или хотя бы английском. Он отвечал очень экспрессивно, но не на том языке. Бедная девушка то и дело обращалась к своим коллегам на певучем итальянском, и те также певуче-шустро ей отвечали.

Пухловатый молодой человек наблюдал со стороны. Ему стало спокойнее, когда все внимание перешло на индийца-араба, и он принялся с любопытством разглядывать девушек.

Первая – за тридцать третьей стойкой – была брюнеткой, причем чернящей. Не то чтобы он не любил такой цвет волос, просто предпочитал более светлые оттенки. Каждый раз при взгляде на блестящие черные волосы почему-то создавалось впечатление, что это парик, но очень естественно надетый. И вот сейчас эта же мысль посетила его. Волосы девушки были собраны сзади в толстый пучок, мотающийся из стороны в сторону при повороте головы. Лицо у нее было смуглым, как и у остальных трех. Серые глаза с длинными ресницами (интересно, не уставали ли веки столько раз захлопываться и расхлопываться под тяжестью напозаженных ресниц?) глядели мило, но со строгостью. Ниже – заостренный продолговатый нос, но не такой, который делает лицо уродливым: в ее случае все гармонично ложилось в пропорции чуть вытянутого лица. Тонкие расплывшиеся губы выкрашены в алый цвет и все скакали вверх-вниз, открывая белоснежные зубы. У нее была превосходная мимика, живая и крайне подвижная.

Тридцать четвертая, очевидно, сконфузилась, ведь весь удар пал на нее. По-видимому, она была скромной девушкой, так как имела привычку (как можно было заметить) склонять голову, покорно выслушивая своих говорливых по-

дружек. Но в то же время казалась серьезной и рассудительной: когда она старалась вразумить беспокойного пассажира, то говорила размеренно и четко, смотря тому прямо в глаза. Каждый раз, когда он перебивал ее, она повторяла одну и ту же фразу как мантру. И клала руку на стойку поближе к индийцу-арабу, стараясь достучаться до него. Ее кроткая строгость могла привести в чувство любого, но, видно, с индийце-арабом невозможно было вести диалог. (А он, кстати, часто загромождал обзор своими телодвижениями.)

Волосы ее были светлее, чем у тридцать третьей – цвет молочного шоколада или лесного ореха. Красота! Пухловатый молодой человек первый раз в жизни увидел такой цвет, но мгновенно влюбился в него и не мог оторваться. Волосы были распущены, но убраны за уши. Невысокий лоб переходил в темноватые аккуратные брови, нависающие над светлыми глазами. Вроде бы тоже серыми, но теми серыми, которые при свете солнца отдают голубой бирюзой. Короткий носик округлялся в кончике; в меру объемные губы часто открывались в попытке заговорить с остальными девушками и робко замирали, так ничего и не вымолвив. В этом крылось нечто очаровательное.

Девушка была одета в белую рубашку с коротким рукавом. Верхняя пуговица расстегнута из-за очевидной итальянской жары.

Да, она определенно была из тех девушек, которые западают в голову. Которые вспоминаются спустя время, а ты жа-

леешь, что не было возможности познакомиться ближе.

Тридцать пятой сложно было впечатлить после своей коллегии. Однако и в ней апеннинская кровь оставила заметный отпечаток – девушки Италии просто не могут быть некрасивыми. Создавалось впечатление, что она имеет вспыльчивый характер: корни волос черные, почти как у первой, а концы белые с золотистым оттенком; при всем этом левый висок был коротко острижен, а на шее виднелась татуировка бабочки. Скорее всего, ее ветреность ограничивалась лишь внешними изменениями. Волосы низко собраны в хвост, но концы едва достают до вытянутой шеи. Светленькие брови на немного выдающихся надбровных дугах прикрывали карие глаза, без усталости хлопающие. Носик, почти такой же остренький, как и у тридцать третьей, забавно подергивался вместе со скачущими тонкими губами, по бокам которых образовывались довольно милые складочки. Выкрикивала девушка больше всех, хотя вряд ли понимала ситуацию лучше остальных.

На ней – такая же белая рубашка; и без того короткие рукава были ровно закатаны по плечи (тут уж не в жаре дело, а в стиле).

Тридцать шестая была рыжей – что очень необычно для итальянки. Видимо, красила волосы и находилась в поиске идеального оттенка. Все остальные черты лица – серые глаза, тонкий нос, острые скулы и чуть объемные губы – были обычными, нормальными и привлекали лишь в той ме-

ре, в какой яблоко привлекает своим особо не выдающимся вкусом. Но люди любят яблоки, поэтому и девушка казалась в общем и целом милостивой. Она тоже вставляла свои пять копеек, высказывая мнение по сложившейся ситуации, но больше для того, чтобы просто сказать.

Пространство вокруг четырех стоек напоминало базар – но не тот обычный деревенский базар, а нечто эlegantное: девушки тараторили, но тараторили на певучем и теплом итальянском; были не сварливыми и скардными бабками, а симпатичными (и даже красивыми) молодыми нимфами.

Пухловатый молодой человек робко подошел к тридцать пятой, дабы быть поближе к Красоте. Но его не сразу заметили (что сложно при размерах тела) – так все были увлечены безрезультатными переговорами на разных языках. Он положил паспорт на стойку и кашлянул. Все на миг обернулись – даже неугомонный пассажир – и уставились на него. Промашка. Теперь придется вечность стоять под испепеляющими взглядами. Он потупил глаза, делая вид, что копошится в пакете, но вскоре вынул пустую руку и глупо оглядел всех. Тридцать пятая натужно улыбнулась и взяла паспорт. Спор утихомирился сам по себе: видимо, все утратили азарт. Тридцать третья показала индийце-арабу вправо – на стойку информации. Тот что-то буркнул на своем и, подобрав вещи, удалился прочь.

Тридцать пятая проверяла паспорт. Девушки успокоились и теперь нехотя перекидывались итогами беседы с пассажи-

ром. Наверно, они пришли к выводу, что он сумасшедший.

Тридцать пятая подняла голову в сторону тридцать четвертой и что-то проговорила. Та приподнялась со стула и заглянула в ее экран. Покивала и что-то ответила. Приблизились еще две. «Работа у них такая, что ли, – все вопросы решать совместно? Ох, этот итальянский...»

Тридцать пятая поднялась.

– Мистер, пойдете со мной.

– Куда?

– Пойдете.

Он спасительно глянул на тридцать четвертую и встретился с ней глазами. Каким-то чудом он не отвел взор, и таким же чудом она будто бы его поняла, пробормотала что-то тридцать пятой и взяла паспорт.

– Пойдете со мной.

А с ней он пошел бы куда угодно. Ее английский казался таким же певучим, как и итальянский.

– Сдавать чемодан не надо?

– Нет.

Она вышла из-за стойки и поманила за собой. Остальные девушки молча присели на свои места. Пухловатый молодой человек направился за тридцать четвертой, придумывая, о чем же можно поговорить наедине. В голову не лезло ничего путного.

– Куда мы идем?

– Вы перепутали рейс.

– Как это? Это не на Лиссабон?

– На Лиссабон.

– Но мне туда и надо.

– Нет, у вас билет до Милана.

Он смутился и соображал.

– Но я точно знаю, что мне надо в Лиссабон. Мне не нужно в Милан.

Тридцать четвертая обернулась, непроизвольно махнув ореховыми волосами.

– Нет, мистер, у вас билет до Милана. Самолет ждет только вас.

– Но я вам повторяю, что мне не нужно до Милана.

– У вас билет до Милана, мистер, – только и твердила она.

– Так в компьютере написано? – его негодование повышало тон.

– Не кричите.

– Простите... – он окончательно потерялся и боялся ляпнуть еще что-то.

Тридцать четвертая строго нахмурила брови.

– Да, так написано в компьютере. Самолет до Лиссабона напрямую не летит, только через пересадку в Милане.

– Как же я тогда купил билет напрямую до Лиссабона?

– Это ошибка.

Пухловатый молодой человек стоял на месте и не мог сообразить, что делать.

– Но меня ждут в Лиссабоне друзья. Они мне сами сказали

купить билет из Рима, а до него ехать поездом из Флоренции.

– Они ошиблись.

– До откуда вы знаете-то?

– Поверьте мне, мистер, – она будто теряла самообладание. – Просто идите за мной, самолет ждет только вас.

– Ничего не понимаю.

Тридцать четвертая сменила маску строгости пленительной улыбкой, и он, поддавшись, все же поплелся за ней. А потом и вовсе приободрился, наблюдая за ее лебединой походкой.

– А что хотел тот пассажир?

– Я не знаю арабского, не могу сказать.

Он помолчал.

– Получается, в Милане я пересяду на самолет до Лиссабона?

– Именно так.

– Первый раз со мной такое, вот я и растерялся, – без причины пояснил он.

– Ничего.

Тридцать четвертая подвела его к матовым дверям.

– Вам сюда.

От мановения ее руки двери распахнулись.

– А как же регистрация?

– Вы уже зарегистрированы.

– Когда же это...

– Такой сервис, – ответила она и сдержанно улыбнулась.

Больше вопросов он не задавал. Тридцать четвертая пожелала удачи, развернулась и пошла прочь. Он глядел ей вслед, пока она не исчезла за поворотом, и шагнул в распахнутые двери.

Это оказался бизнес-зал. Тут же подбежал смуглый работник и пролепетал что-то на итальянском.

– Я не говорю по-итальянски.

– Руски?

– Можно и английский.

– Что-то желаете, мистер?

– В каком смысле?

– Вино, виски, джин? Рыба, икра?

– Нет, спас...

– Отойди, – грозно буркнул работнику мужчина в костюме (видимо, главный) и подошел к пухловатому молодому человеку.

– Желаете что-то, мистер?

– Я уже сказал, что...

– Да, что вы ему сказали?

– Сказал, что ничего пока не надо.

– Хорошо. Если что – я буду за стойкой.

– Ладно.

Пухловатый молодой человек осмотрел гостей зала: те в ответ уставились на него.

Зазвонил телефон. Главный в костюме снял трубку. Он в повелительном тоне прокричал что-то на итальянском (ка-

жется, слышалось то ли рус, то ли руси), пару раз кивнул невидимому собеседнику и положил трубку.

– Самолет скоро будет готов, мистер. Все еще ничего не желаете?

– Можно воды, – тот только сейчас почувствовал, что футболка его насквозь мокрая, а во рту сухо.

– Секунду.

Главный в костюме метнулся за стойку, достал откуда-то снизу холодную бутылку и подал.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо.

– Пока все?

– Ага.

Пухловатый молодой человек сделал пару глотков, исподтишка продолжая оглядывать остальных гостей.

– Ты еще кто такой? – громко и по-русски крикнул мужчина из курилки, отворив дверь и застыв в проходе.

– Обычный пассажир.

– Воды же не было, эй!

Главный в костюме сделал вид, что не услышал.

– Мистер, закройте дверь. Иначе здесь будет прокурено, – главный в костюме даже не посмотрел на курившего, не сводя глаз с пухловатого молодого человека. Куривший демонстративно затянулся, потушил сигарету о мусорный бак, выдыхая серый дым, пригласил войти в зал даму и захлопнул дверь.

– Так кто ты такой? – повторил он вопрос, подойдя ближе.

– Я ведь сказал.

– Обычный пассажир?

– Ну да.

На табло появилось время посадки на самолет. Через полчаса.

– Это из-за тебя задерживали самолет?

– Не знаю.

– Как не знаешь? Из-за тебя задерживали самолет, – говоривший суровел с каждым словом.

– Видимо, – пухловатый молодой человек боялся даже поворачиваться к нему.

– Что ты все мямлишь себе под нос? Урод, я из-за тебя не успеваю сделать девушке предложение.

– Да это вообще не мой самолет, – вяло огрызнулся тот.

– То есть ты еще и чужой самолет задержал?

Беспокойный мужчина подался вперед, но дама попридержала его за локоть:

– Оставьте его.

– Какого черта из-за него вылет задержали на... – говоривший взглянул на запястье, – час?

– Видимо, есть причины.

– Я и хочу это выяснить, – он обернулся к жертве, с которого уже семь потов сошло: – Ну?

– Не знаю я, – промямлил он, – я до Лиссабона летел.

– Что?

Пухловатый молодой человек собрал последние силы.

– Я должен был лететь из Рима в Лиссабон, но меня привели сюда.

– Зачем?

– Сказали, что в Лиссабон прямым не летают, – его глаза на миг поднялись навстречу хищному взгляду и тут же опустились.

– Из столицы Италии не летают в столицу Португалии? Что за бред?

– Я не знаю, меня просто проводили сюда.

– Чепуха какая-то. Хоть что-нибудь ты знаешь?

– Сказала, чтобы я поверил ей.

– Кто?

– Девушка за стойкой.

– И ты поверил?

– А что мне оставалось? Сам не понимаю, почему так.

Беспокойный мужчина махнул рукой и удалился к панорамному окну. Пухловатый молодой человек с мольбой оглядел остальных. Они молчали, но пялились на него, явно испытывая негативные эмоции. Он ощутил себя будто под взглядом многотысячной толпы, отвернулся к бутылке с водой, медленно допил ее и поставил на стол. Тут же подбежал с одной стороны работник, схватив бутылку, а с другой – главный в костюме, спрашивая, не нужно ли чего.

– Давайте вина.

Главный в костюме снова метнулся за стойку, встал на

стул и достал сверху закупоренную бутылку белого вина. Вмиг вынул пробку и поставил перед гостем.

– Хорошее вино должно немного подышать, – со знанием дела заключил он.

– Ему даже вино самое лучшее достали. А мы вроде бы все привилегированные клиенты, – продолжал возмущаться беспокойный мужчина. – Да кто он такой?

– Оставьте его.

– Вот вы – известная актриса, а даже с вами так не обращаются, как с ним.

– Как странно: тут есть мужчина, который не успевает сделать девушке предложение, и известная актриса, – проговорил Борис сидящей рядом Дарье.

– Что?

– Я про рассказ, – отвлекшись от чтения, он мигом ощутил жару зала и протер лоб салфеткой.

– Да ну? Наверно, совпадение.

– И они все находятся в бизнес-зале аэропорта.

Дарья звонко усмехнулась и глотнула прохладного белого.

– Мало ли в аэропортах актрис и зовущих замуж женихов? – и засмеялась еще громче. Алкоголь явно давал о себе знать.

– Может, и совпадение, но очень странное.

Борис продолжил читать.

Пассажиры были недовольны новым гостем зала.

Главный в костюме поставил перед собой высокий бокал

и налил чуть-чуть вина.

– Попробуйте.

Пухловатый молодой человек пригубил его и сразу ощутил сладостный аромат. Вкус (хоть вино и было комнатной температуры) оказался превосходным, мягким и освежающим, без малейшей тени спирта; послевкусие – отдающее лимоном.

– Хорошо, – пухловатый молодой человек присел на высокий стул у стойки и поставил рядом серенький чемоданчик.

Главный в костюме улыбнулся и налил три четверти бокала.

– Пожалуйста.

Ненавязчиво накатила приятная одурь. От одного-то бокала. Пухловатый молодой человек робко посмеялся. Отпил. С краев бокала стекали тоненькие струйки. А это признак настоящего вина.

Справа что-то захрустело. Пухловатый молодой человек поднял голову: около столика с алкоголем копошился парень. Они встретились глазами, и тот от безысходности кивнул. Налил себе бокал вина и вернулся за длинный стол.

Разговор у остальных пассажиров не клеился. Прямо как у тех девушек за стойками, когда он подошел. Явственно представилась тридцать четвертая. «Что она сейчас делает? Наверно, опять до нее какой-то неряшливый пассажир докапывается. А все же хорошо, что я с ней заговорил, она меня запомнит. Сегодня вечером расскажет друзьям, что был такой

пассажир, который перепутал билеты. Может, даже улыбнется и назовет меня милым. На обратном пути надо будет тоже через Милан лететь, чтобы в Рим заскочить. Я прилечу, мы встретимся глазами, она вспомнит и широко улыбнется. Выйдет из-за стойки и скажет: ну я же вам говорила, мистер. А я ей – не мистер, просто Паша. Она снова улыбнется и назовет свое имя – Габриэла, или Федерика, или Паола, или Стелла. Нет, Стелла пивом отдает. Лучше Паола. Почти как Полина, как Поля. А я скажу – я ждал встречи, думал о тебе. Она ответит, что тоже думала обо мне...»

– Эй, толстяк!

Поток радужных мыслей оборвался. Кто-то подошел.

– Я к тебе обращаюсь.

Снова тот беспокойный. Пухловатый молодой человек обернулся.

– Да.

– Я – человек терпеливый, честный, но ты вывел меня из себя, признаю, – он встал в пол-оборота. – Прошу прощения за свое поведение, однако это не значит, что мне приятна твоя компания. Ты расстроил важные планы.

Он проговорил последнюю фразу, даже не поворачивая головы на слушающего, а потом отстранился и зашагал прочь.

Пухловатый молодой человек утопил эмоции в бокале.

– Нужен лед? – обратился главный в костюме.

– Ага.

Он вынул тару из холодильника под стойкой, покрошил лед в глубокую тарелку, запустил туда ковшик и аккуратно скинул три кусочка в бокал.

– Спасибо.

На стенках образовывалась влага. Лед таял в винном озере. Пухловатый молодой человек прокручивал пальцами тонкую ножку.

– Кажется, я вас где-то видела.

Сзади подошла девушка.

– Что? – он повернулся всем корпусом.

– Я вас видела.

– Где же?

– Не помню, но лицо ваше знакомо.

– Я вас не помню, – и отвернулся к бокалу.

– Точно знакомо.

– Брось, не приставай к нему, – теперь подошел и ее спутник.

– Я тебе точно говорю, что знаю его.

Пухлому молодому человеку становилось не по себе. Сбоку его съедали четыре глаза, от которых он не мог скрыться.

– Тебе кажется.

– Фонтан де Треви, два дня назад... Вы были с мальчиком, который полез купаться, – выкрикнула она неестественно громко.

– Каким мальчиком? – пухловатый молодой человек в изумлении повернулся. – Вы спутали меня с кем-то. Я при-

ехал в Рим вчера, из Флоренции.

– Нет, это точно был ты. И мальчик лет десяти, – продолжала она громогласно. – Ты так громко приказывал ему вылезти, даже кричал, а потом полез следом и вытащил из воды. Мальчик вроде даже плакал, – она наконец приутихла, а потом обратилась к своему спутнику: – Помнишь, я показала тебе на них?

– Да, что-то было такое, но я не запомнил его лицо.

– Мы ведь сидели внизу, ты что? Такие вещи следует запоминать.

– Вы перепутали, – пухловатый молодой человек спасительно повернулся к бокалу. Тот хотя бы молчал.

– А где же мальчик? Чемоданчик-то детский, судя по всему, – не унималась девушка.

– Да оставь ты человека.

– А вдруг он преступник и похитил его? – голос ее снова стал звонче и выше.

– Кстати, я слышала, что сынишка какого-то богатея недавно пропал в Риме, – вставила актриса, подошедшая к столику с алкоголем.

– Бросьте, какой он преступник? – усмехнулся спутник. – Не играй в детектива, отстань от человека.

– Вы перепутали, говорю вам. Оставьте меня в покое, пожалуйста.

– Ладно. Но если что – я запомнила твое лицо.

Борис прикрыл книгу, зажав палец на нужной странице.

– Тут есть молодой парень и парочка, прямо как в нашем зале, – пробубнил он себе под нос, протирая уставшие глаза. – Шутка это чья-то, что ли?

Ответа не последовало, и он огляделся. Дарьи не было рядом. Видимо, она все же нашла где-то кондиционер. Матвей тоже исчез куда-то. Прохор с молодой девушкой разговаривали в курилке, но сигарет у них не было. Ее спутник дремал в кресле.

– Хотя, наверно, мне только кажется. Ведь никакого пухловатого молодого человека тут нет.

Борис глотнул потеплевшее вино, которое стало отвратным, но все же смочило горло, и опустил глаза в книгу.

Она развернулась и отошла. Спутник – за ней. Пухловатый молодой человек снова покрылся градом пота.

– Какие же неумные эти люди, – пробурчал он себе под нос.

Взял салфетку со стойки и протер лоб.

– Где туалет? – спросил он у главного в костюме.

Тот покорно указал вправо.

Прохладная вода освежила. Пухловатый молодой человек поглядел в зеркало. С небрежной бородки стекали капли. Он усмехнулся и умылся еще. И еще. Хоть бы поскорее началась посадка. Хоть бы сидеть подальше от них всех. В хвосте, в самом последнем ряду, около туалета.

Где-то поблизости лязгнула ручка крана. Он поднял голову: рядом стоял парень – тот самый, который подходил к

столику с алкоголем.

– Жарко, да?

С пухлого лица ручьями стекала вода. Парень тоже умылся, с его лица тоже стекала вода. Так они и пялились друг на друга: первый – в недоумении, второй – с ехидной ухмылкой. Как травоядное и хищник после водопоя. Первый моргнул глазами, потому как все это походило на видение. Нет, он здесь. Второй улыбнулся, но как-то слишком искусственно, будто залезая в душу; потом взял салфетки и вытерся.

– Так определенно лучше, да?

Бросил салфетку в урну, но промахнулся. Звонко цокнул, подобрал ее и замер, что-то высматривая.

– Кажется, на ней пятно крови, да?

Он вытянул салфетку перед собой, показывая пухловатому молодому человеку и продолжая ехидно улыбаться. Тот замороженно смотрел ему прямо в глаза.

– Да.

Парень перевел взгляд на салфетку. Постоял мгновение и снова бросил ее в урну. Попал. Потом хлопнул собеседника по мягкому плечу и вышел обратно в зал. Пухловатый молодой человек так и остался стоять в замешательстве. Сумасшедший дом. Он открыл кран, подождал, пока тот не покроется капельками влаги, и раз десять окатил лицо ледяной водой. Ощутился дурман, голова закружилась, ноги подкосились, но через миг все исчезло. Он снова окатил себя из ладоней и закрыл кран. Вытерся, поглядел в зеркало и вер-

нулся на свой стул у стойки, не поднимая головы.

Главный в костюме налил еще вина со льдом. Но сидеть не хотелось; тянуло на свежий воздух, в курилку. Пухловатый молодой человек сделал небольшой глоток вина, медленно поднялся, дабы голова снова не пошла кругом, и вышел.

Еще пахло сигаретами, но слабо и ненавязчиво. Ему не нравился сигаретный дым, но выхода не было, нужно было прийти в себя. Дверь за собой он закрыл, не желая компании.

Под открытым небом было шумно: двигатели самолетов ревели от взлетов и посадок; доносились сирены машин, крики работников. Аэропорт – отдельный мир, самодостаточный и любопытный. Внутри крупных терминалов раздавались голоса ожидающих и провожающих, продавцов магазинов и кафе. Там всюду кипела жизнь. А этот зал... Он так отрешен от жизни аэропорта. Лишь кучка привилегированных пассажиров и служащих.

В чем смысл – отстраняться от всех? Все здесь, кроме меня, обеспеченные люди, которые за деньги получают покой, но какой-то мертвенный покой. Ведь там, за матовыми дверями, куда интереснее, чем в этом отрешенном зале. Там хотя бы не достают. Еще полчаса до посадки... Эти полчаса мы вынуждены слоняться вдоль стен и пялиться друг на друга. Скука. Хоть алкоголь тут бесплатный.

Впервые в жизни ему захотелось покурить. Он робко оглядел остальных. Беспокойный мужчина угрюмо сидел за столом, опустошая свою тарелку. Видно, набрал он всего поне-

многу, а доесть не мог, вот и растягивал вплоть до ухода. Парень сидел справа от него. Губы его неторопливо шевелились, рассказывая какую-то историю. Слева был молчаливый гражданин средних лет, щуплый и худенький, насупившийся и скрестивший руки на груди. Вот он точно считал каждую секунду до посадки. Напротив них сидели девушка и ее спутник, о чем-то переговаривавшиеся. Пару раз девушка повернулась и кивнула в сторону курилки. Ее спутник только закатывал глаза. Около панорамного окна стояла дама. Наверно, наблюдала за взлетающими и заходящими на посадку Боингами. Может, тоже считала секунды. Сигареты были либо у нее, либо у беспокойного мужчины. Однако желание закурить пока проигрывало желанию покоя.

Беспокойный мужчина принялся бы досаждать своими обвинениями и скорее бы подавился, чем поделился сигаретой. А дама – непонятно: если она успокаивала его, то, наверно, добродушно настроена. У нее и можно попросить. Хотя пока лучше постоять одному.

Вопреки его мыслям дама развернулась на месте, что-то сказала беспокойному мужчине и сама направилась к курилке. Перед тем, как раскрыть дверь, она глянула на серенький чемоданчик у стойки с торчащей кверху ручкой, проговорила что-то через плечо почти шепотом и дернула дверь на себя.

Она была чуть старше, чем казалось издали. Виднелись морщины около глаз и у краешков губ, кожа лица и шеи

немного подсохла. Дама достала тонкую сигарету из пачки и зажгла. Вмиг разлетелся фруктовый аромат.

– Сигарету?

– Не курю, – не подумав, буркнул пухловатый молодой человек.

Она убрала пачку. Молчала. Пламя постепенно съедало бумагу и табак, оставляя после себя только серый пепел. Дым, извиваясь, поднимался вверх и растворялся в воздухе.

– Так кто же ты такой, раз из-за тебя задержали самолет?

Опять со своими расспросами. Лучше бы один стоял и не думал о сигарете. Ведь мысли материализуются. Любые мысли материализуются.

– Просто пассажир. Меня сюда привели, я не хотел. Мне надо в Лиссабон, а не в Милан.

– Абы кого не привели бы за ручку. Что-то ты скрываешь, – она усмехнулась, но как-то язвительно.

Пухловатый молодой человек отвернулся в сторону. Бесполезно что-то говорить. Лучше бы вообще не думал о сигарете. Постоял бы спокойно.

– Зачем в Лиссабон?

– Друзья позвали в гости.

– Раньше был в Риме?

– Не люблю Рим.

– Отчего же?

– Не знаю, не нравится.

– Я безумно люблю, а больше всего – *де Тревви*, – дама осо-

бенно подчеркнула это название. Она как-то неестественно оживилась. – Вечерами там очень чудно – все эти фонари, людские гул, звуки фонтана. Так прелестно взять чашечку кофе и какой-нибудь дениш и сидеть – раньше часто так делала, когда приезжала. Еще рядом есть кафешка с мороженым – в Италии к мороженому относятся очень серьезно – где подают самый вкусный лимонный сорбет, – она томно вздохнула. – Вот бы не уезжать совсем.

– Ага.

– Вот бы не уезжать, – повторила она, – но уехать надо.

Сколько вещей в мире делается просто потому, что «так надо».

Дама медленно потягивала дымок, а сигарета обреченно тлела. Пухловатый молодой человек грузно стоял у стеклянной стены, не зная, чем себя занять. Он косился на даму и ее сильно укороченную сигарету.

В его руке вдруг почувствовался пакет. «Откуда он? Давно я его держу?» Он невольно встрепенулся. Отчего-то мурашки пробежали по телу. Он не помнил, чтобы брал с собой какой-нибудь пакет. Сжал ручку еще крепче. «Что я туда положил? Надо посмотреть. Забыл, дурак, что брал пакет». Он украдкой оглянулся на серенький чемоданчик: все так же стоит на месте с задранной сверху ручкой.

– Путешествуешь налегке?

– Что?

– У тебя мало вещей.

Пухловатый молодой человек снова поглядел на чемодан и пакет.

– Ну да, к друзьям.

Они помолчали немного.

– А вы много раз были в Риме?

Разговор, как ни странно, чуть расслаблял.

– Много раз.

Дама докурила сигарету. Она держала погасший окурочек и глядела в сторону, постукивая указательным пальцем свободной руки по щеке.

– Все же нехорошо, что из-за тебя задержали самолет. У людей дела.

– Я сожалею, я не знал.

– В следующую поездку обязательно посети де Треви.

Она метнула окурочек в урну, жиденько улыбнулась куда-то в сторону и вышла. А он остался в курилке, опять весь взмокнув. Хорошо, что на нем была белая футболка, на которой не видно пятен пота. «Что же я положил в пакет?»

Он бегло оглядел зал. Беспokoйный мужчина все копался в тарелке. Рядом с ним – парень. Девушка и ее спутник болтали друг с другом. Молчаливый мужчина до сих пор не разжимал рук на груди. Дама захватила бокал и подошла к барной стойке.

Пухловатый молодой человек опустил голову вниз и выдохнул.

Голос дамы заставил тут же поднять голову обратно: ее

тон все повышался и становился слышен даже за закрытой дверью. Она трясла бокалом.

Она что, просит вино? Боже... А работник только руками разводит. Он не наливает ей мое вино? Вот черт, зачем я вообще пошел за этой итальянкой? Послал бы ее и летел бы себе в Лиссабон прямым рейсом. Вот черт!

Он отвернулся – не знал, куда себя деть. Со всех сторон за ним будто наблюдали. А он стоял с этим дурацким пакетом, взмокший и недоумевающий. Дама сильнее повышала голос.

Провалиться бы всему этому аэропорту! Зачем я вообще уехал из Флоренции? Они ведь мне даже не друзья. Сто лет не виделись, и еще столько же бы прожил без них. Черт!

Со злости он махнул пакетом и почувствовал на дне что-то тяжелое. Тревожно обернулся: все были заняты своим делом. Тогда он аккуратно раскрыл ручки. Похоже на кофту. Темная, на застёжке. Маленького размера. Запустил ручку. Мягкая, хлопковая. Залез глубже. Снова мягкое. Темные штаны. Под ними нащупывалось нечто твердое. Продолговатое. Он сдвинул кофту и штаны вбок и увидел нож. Оцепенел на мгновение и перестал дышать. Отпустило. Железный нож. Толстое лезвие чем-то испачкано. «Что это?» Не успел даже ковырнуть его, как осознал, что это кровь. Закрыв пакет и поставил его у стенки. Зажмурил глаза. «Я не брал это. Пакет не мой. Это не мое». На веках заискрились огоньки. Он раскрыл глаза, почти ничего не различая. «Нет, она видела, что я держал пакет. Она подумает, что он мой». Он схва-

тил его и инстинктивно прижал к себе. Картинка понемногу проявлялась, и он тревожно огляделся вокруг. Остальные не обращали на него ни малейшего внимания, поглощенные спором дамы и главного в костюме. Казалось, на улице резко поднялась температура. Градусов на тридцать. Солнце жарило беспощадно. Со лба текли ручьи. «Но не мой же пакет... Нет. Не может быть. Я приехал из Флоренции вчера. Поел в отеле. Да и вообще не выходил из отеля. Никакого мальчика у фонтана я не видел. Надо выпить».

Ноги сами вынесли его из курилки и потащили к столику с алкоголем. Свободная рука налила вина из графина в граненый стакан. Губы выпили. Затем операция повторилась.

– Нет, мистер! Лучше это.

Откуда ни возьмись выскочил главный в костюме со своей драгоценной бутылкой белого. Он любезно наклонил ее и вылил все содержимое в граненый стакан.

– Пожалуйста! Что с вами, мистер? – он озабоченно уставился на пухловатого молодого человека.

– Все нормально.

– Ах вот как: *ему* вино, а мне ничего? Что вы за идиот?

Стоящая у стойки дама принялась размахивать пустым бокалом.

– Мне тоже положено вино. Я хочу вино! Вот это! – она тыкала в пустую бутылку.

– Простите, это не вам. Это только для мистера, – главный в костюме держался более чем уверенно. Он отвернулся от

нее: – Что с вами, мистер?

– Да нормально все, – вяло огрызнулся пухловатый молодой человек.

– Как это не мне? Вы знаете, кто я? Я – известная актриса!

– Точно нормально, мистер? – главный в костюме полностью игнорировал даму.

– Эй, я хочу *это* вино!

– Вам нельзя! – грубо отрезал он. – Я принесу вам полотенце, мистер.

– Полегче, итальяшка, – крикнул кто-то из-за стола.

– Да пошел ты! – полетело вдогонку от дамы в главного в костюме.

Тот сделал вид, что не услышал, и удалился.

– Да кто ты такой? – дама была в глубочайшем недоумении.

– Пассажир...

– Ой, да не мямли ты одно и то же. За дуру еще меня держит, – она уставилась на него, словно готовясь к чему-то. – Да пошел и ты тоже! – и вернулась к столу.

Пухловатый молодой человек остался один. Пакет стоял между ног. Бешено билось сердце. Он медленно поднес стакан к губам и сделал чересчур большой глоток вина, поперхнулся и обрызгал себя. Послышался громкий смешок. Пухловатый молодой человек утерся салфеткой. Все работники куда-то запропастились.

Вскоре вернулся главный в костюме с полотенцем – такой

же салфеткой. Пухловатый молодой человек кивнул и вытер лоб.

– Что-нибудь еще, мистер?

– Нет.

– Если что-то понадобится, я буду у стойки, – и исчез.

«Почему нож не распознали металлодетекторы?» Нервный глоток. Лоб снова покрылся испариной. Трясущаяся рука вытерла его тканевой салфеткой. «Какой мальчик?» Он бросил взгляд на серенький чемоданчик со вздернутой ручкой. «Они думают: забавно, что у такого толстяка такой маленький чемоданчик. Только это их и интересует».

Пухловатый молодой человек нервно усмехнулся и вернулся на свой стул у барной стойки. Поставил пакет на чемодан и зацепил за ручку. Все силы в одно мгновение покинули его.

Женский голос объявил по рупору, что посадка на рейс до Милана начнется через десять минут. Пассажиры закопошились на своих местах, хотя их вещи и так были собраны. Беспokoйный мужчина демонстративно похлопал три раза.

Пухловатый молодой человек вдруг ощутил, что голоден. «Наверно, надо поесть. Вдруг в самолете не будут кормить». Он устало поднялся и побрел до шведского стола. Набрал закусок, жареного мяса и пасты. Сел кушать, механически запихивая безвкусную еду в рот.

– Давай быстрее, опять тебя ждать будем, – бросил кто-то сзади.

Он не обернулся, а только продолжил елозить вилкой в тарелке, прожевывая мясо.

Копошение. Голоса из-за спины. Кто-то спешно побежал в туалет, задев на пути чемодан, и тот шумно повалился на бок. Пухловатый молодой человек инстинктивно повернулся и обомлел: на том месте, где стоял чемодан, теперь виднелось алое пятно. Не поворачивая головы, он провел глазами по сторонам. Вроде никто не заметил. Дыхание напрочь сперло. Сердце неистово колотилось в груди. В ушах отдавалось только бум-бум, бум-бум...

Разум был в ступоре. Ноги сами подняли тело, руки сами потянулись за упавшим чемоданом. Стоит на месте. Пятна не видно. Грудь сдавливало. Он присел на стул и развернулся к тарелке. «Не понимаю, что я делаю. Где я вообще? Где пакет? Здесь. С ножом. Окровавленным. Под чемоданом тоже кровь. Везде эта проклятая кровь». Он горько выдохнул, и от слабости глаза его увлажнились. Слеза стекла до подбородка. Дышать едва получалось. Казалось, вот-вот сердце разорвется от напряжения.

Кто-то вернулся из туалета, но пухловатый молодой человек не услышал этого. Он замер в одной позе. Как мраморная статуя, олицетворяющая разгромное поражение.

Уже не было вопроса «что делать?», не было страха, не было мыслей. Ноги снова подняли тело, корпус наклонился, руки положили плашмя серенький чемоданчик, пальцы потянулись открывать молнию. Бегунок медленно описал круг;

ладони откинули верхнюю крышку чемодана...

Послышался крик. Затем пронзительный визг, разрывающий перепонки. Откуда-то выскочил главный в костюме со своим большим телефоном.

А пухловатый молодой человек сидел на корточках и глядел на расчлененное тело мальчика...

Борис захлопнул книжку и тяжело выдохнул, ощутив приток рвоты.

– Что такое? – спросила Дарья. Она уже вернулась и, кажется, повеселела еще больше.

Борис повернул голову в ее сторону.

– Я ведь говорил, что в рассказе есть неудачный жених и актриса. Вдобавок встречаются парочка, паренек и молчаливый мужчина. Все они находятся в бизнес-зале аэропорта и ждут рейс до Милана.

– И?

– Очень явные совпадения. Да и ощущения странные, будто кто-то сидит в кустах и наблюдает за нами.

– Но как такое может быть?

– Понятия не имею.

– Да бросьте, – она приподнялась. – Пойдете курить?

– Рассказ еще и заканчивается жутко.

– Ой, мало ли таких рассказов, что ли? Пойдемте покурим, вам надо успокоить нервы.

– Сейчас подойду, – и Дарья удалилась на воздух.

Борис не выпускал брошюру из рук, все пытаясь понять

ее. «Может, вправду совпадение, ведь никто новый больше не появился в зале».

Резко ощутилась духота. Борис взял бокал давно потеплевшего вина и сделал глоток. Отвратительный вкус. Озадаченный, он тяжело поднялся и направился к столику с алкоголем, схватил сперва бутылку вина, но затем увидел прохладный виски. Налил себе полстакана и выпил залпом. Потом пошагал в курилку, попутно чувствуя опьянение.

Дарья улыбнулась ему и протянула руку, ожидая сигарету. Борис охотно поделился и улыбнулся в ответ. Они закурили молча.

Вокруг гудели Боинги. Первый взлетел. Второй приземлился. Третий взлетел.

– Стало легче?

– Да, немного, – Борис усмехнулся. – Вот пишут же бред всякий. Как такие вообще печатают?

– Другое дело! Поэтому, наверно, рассказ и оставили в зале.

Сигареты тлели между пальцами.

– Смотрите, какой пассажир! – Дарья указала пальцем на вход в бизнес-зал.

Борис обернулся. Матовые двери пропустили пухлого человека, около которого сразу закопошились служащие.

– Вот чудак, а! – Дарья почему-то очень удивлялась вошедшему.

Позабыв о сигаретах, оба молча наблюдали за тем, как во-

круг новоприбывшего гостя суетятся работники.

– Интересно, кто же это такой? – не успокаивалась она.

– Понятия не имею.

Борис отворил дверь курилки.

– Ты еще кто такой? – громко и по-русски крикнул он, застыв в проходе.